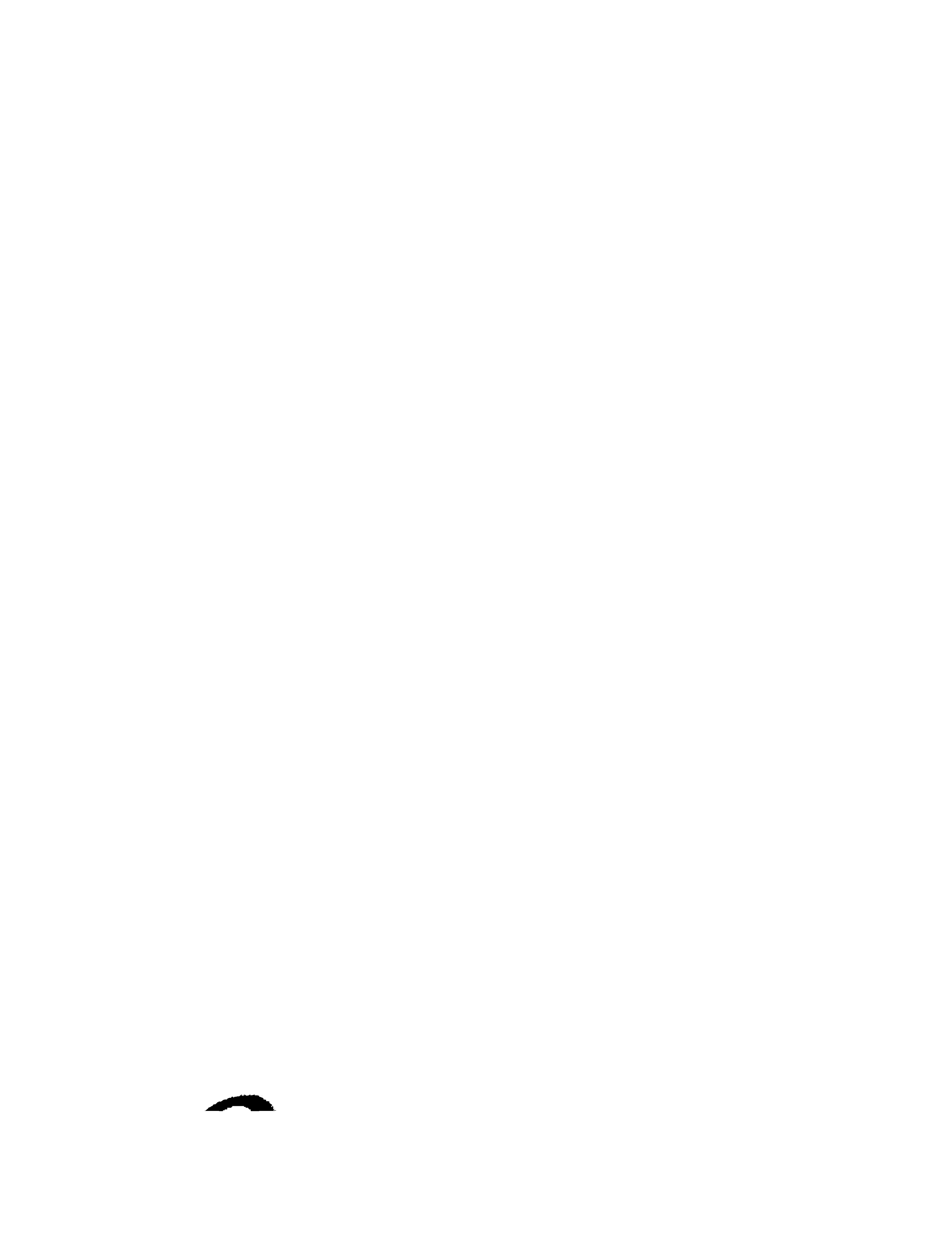

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЮБИЛЕЙ

КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО.

ЮБИЛЕЙ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

АКАДЕМИКА

КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

Печатано по распоряженію **Императорской** Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. 2 Марта, 1861 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

I.

Въ Императорской Академіи Наукъ, по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, *Князь Петръ Андреевичь Вяземскій* состоитъ Ординарнымъ Академикомъ съ 19-го Октября 1841 года, бывши прежде Дѣйствительнымъ Членомъ Императорской Россійской Академіи со 2-го Октября 1839 года. Этимъ почетнымъ избраніемъ онъ обязанъ постоянному участію и счастливымъ успѣхамъ въ отечественной литературѣ, явившись въ средѣ Русскихъ писателей шестнадцати лѣтъ отъ роду. Какъ истинный художникъ полюбивъ благородный трудъ и отдавшись всею душой чистому удовольствію высокаго искуства, онъ еще ни однажды не позаботился о соединеніи всѣхъ сочиненій своихъ въ одномъ полномъ изданіи. По преимуществу поэтъ живыхъ ощущеній, то рѣзкихъ, то глубокихъ мыслей, защитникъ правды и бичь глупости, онъ на каждомъ изъ своихъ стихотвореній оставилъ слѣдъ ума остраго, языка оригинально-выразительнаго и впечатлительности неподражаемой. Замѣчательнѣе всего, что самые разнородные виды художественной красоты у него являются въ одинаковомъ совершенствѣ. То, что называется гнѣвною сатирой, игривымъ описаніемъ, веселою пѣсней, меланхолическою элегіей, самою колкою эпиграммой, все ему такъ дается, какъ бы всякой изъ

этихъ характеровъ былъ его исключительнымъ призваніемъ. Въ его прозѣ преобладаетъ сила мысли. Онъ въ короткихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ умѣетъ заключить то, что составляетъ всю сущность изслѣдованія. Его книга о *фонъ-Визинѣ* принадлежитъ въ Русской литературѣ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ въ критико-историческомъ родѣ. Первымъ опытомъ авторскаго его дарованія было «Посланіе къ *** въ деревню», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», 1808 года (томъ IV, стран. 178). Такимъ образомъ, пятидесятилѣтіе литературныхъ трудовъ его исполнилось еще въ Октябрѣ 1858 года.

Къ сожалѣнію своему, Академія Наукъ не могла въ то время приступить къ торжественному выраженію полнаго сочувствія своего и уваженія къ сознаваемымъ всѣми заслугамъ Академика, потому что разстроенное здоровье, въ это самое время, удерживало его за границею. Подобнымъ образомъ, и слѣдовавшіе за тѣмъ два года не оказались вполнѣ удобными для празднованія юбилея, по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ Академика.

Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года, Академіи удалось привести въ исполненіе давнишнее ся желаніе. *Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ*, Президентъ Академіи Наукъ, по докладу объ этомъ Непремѣннаго Секретаря, ходатайствовалъ чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на празднованіе Академіею исполнившагося пятидесятилѣтія литературныхъ трудовъ Академика, столь уважаемаго и любимаго всѣми. Въ 20-й день Февраля послѣдовало на то высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе. Днемъ праздника избрано было 2-е Марта.

Приготовляя торжественное собраніе для выраженія чувствъ любви и почтенія одному изъ товарищей своихъ, Академики предугадывали, что, для полнаго оживленія праздника, который не можетъ повториться въ теченіе жизни одного и того же лица, недостаточно ихъ исключительнаго присутствія, болѣе или менѣе, всегда оффиціальнаго. Любящей душѣ еще дороже, въ такихъ случаяхъ, раздѣлить съ ближайшими къ сердцу какъ впечатлѣнія свои, такъ и все, что въ ней на жизнь должно остаться. Это соображеніе побудило Академію сообщить нѣсколькимъ лицамъ изъ родственнаго круга *Князя П. А. Вяземскаго* о предположенномъ праздникѣ и просить ихъ составить списокъ тѣхъ особъ, которыя, принадлежа къ числу его родныхъ, или друзей, или находясь въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, неожиданнымъ присутствіемъ своимъ въ собраніи Академіи могли бы доставить ему тѣмъ живѣйшее удовольствіе.

Такимъ образомъ найдено было средство снять съ академическаго собранія всю формальность нѣсколько холодныхъ засѣданій, удержать въ немъ прелесть дружескаго общества и окружить чествуемаго Академика привѣтствіями, столько же для его заслугъ утѣшительными, сколько и для сердца его драгоцѣнными.

Распоряженіями по устройству праздника завѣдывали: *Николай Алексѣевичъ Мухановъ*, *Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ* и *Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій*. Для пріема гостей назначена была въ Академіи, такъ называемая, малая конференцъ-зала, а въ столовую обратили большую залу торжественныхъ собраній Академіи. Въ полукружіи, что въ глубинѣ большой залы, размѣщены были музыканты. На противоположной сторонѣ явилась прекрасная эстрада, вся закрытая

растеніями и цвѣтами. На ней помѣстились дамы. Все прочее пространство оставалось для обѣденнаго стола.

Непремѣнный Секретарь Академіи *Константинъ Степановичъ Веселовскій* и Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности *Петръ Александровичъ Плетневъ*, за нѣсколько времени до обѣда, отправились на квартиру Академика *Князя П. А. Вяземскаго* съ приглашеніемъ на приготовленный для него праздникъ. Выслушавъ ихъ привѣтствія, онъ съ обычною своею скромностію выразилъ представителямъ Академіи признательность за оказываемую ему честь, не иначе ее принимая, какъ видимый знакъ, столь пріятныхъ для него, дружескихъ отношеній между товарищами по Академіи.

Между тѣмъ, около пяти часовъ, сборная зала наполнилась гостями. Виновникъ торжества, при появленіи своемъ, радостно окруженъ былъ собраніемъ, во главѣ котораго находились: Его Императорское Высочество *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій*, Министръ Народнаго Просвѣщенія *Евграфъ Петровичъ Ковалевскій* и Президентъ Академіи *Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ*.

II.

При появленіи гостей передъ столовою, она мгновенно освѣтилась, и музыка заиграла. Передъ бюстомъ Петра I, на среднемъ мѣстѣ за столомъ, попросили сѣсть Академика *Князя П. А. Вяземскаго*, между Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Президентомъ Академіи Наукъ. Когда наступило время провозглашенія тостовъ, Президентъ Академіи, на котораго въ

этотъ день выпалъ жребій быть Президентомъ и на пиршествѣ, сказалъ, обращаясь къ собранію:

«Я почитаю себя особенно счастливымъ, что могу сооб-«щить Вамъ, Милостивые Государи, и въ то же время соединив-«шему насъ здѣсь на праздникѣ Поэту о новой Монаршей къ не-«му милости. Государь Императоръ, въ ознаменованіе высо-«каго благоволенія Своего къ литературнымъ трудамъ Акаде-«мика *Князя П. А. Вяземскаго*, всемилостивѣйше изволилъ, въ «день празднованія его юбилея, пожаловать его въ Гофмей-«стеры Двора Его Величества, а по желанію Государыни «Императрицы, онъ назначается состоять при Особѣ Ея Ве-«личества.»

Затѣмъ *Графъ Д. Н. Блудовъ* продолжалъ:

«Мм. Гг. Первый *тостъ*, или, говоря Русскими словами, сло-«вами незабвеннаго нашего Жуковскаго въ Посланіи къ Им-«ператору Александру Павловичу, *чаша первая*, не только «по приличіямъ и порядку, но и по чувству всеобщему, да бу-«детъ, какъ всегда, за здравіе, благоденствіе и славу Государя «Императора. Не прибавляемъ *Отца Отечества* — это каждый «изъ насъ уже сказалъ въ сердцѣ своемъ; но по мѣсту, гдѣ «мы теперь, я прибавлю: *и Покровителя* наукъ, обогащающихъ, «питающихъ умъ нашъ, и изящной словесности, которую можно «назвать выраженіемъ души народа....»

Здѣсь рѣчь Президента прервана громкимъ, единодушнымъ восклицаніемъ: ура!

Президентъ продолжалъ: «Сія заздравная чаша да будетъ и «за Августѣйшій Его Величества Домъ, Коего всѣ Члены, «такъ же, какъ Онъ Самъ, сочувствуютъ успѣхамъ просвѣщенія,

«успѣхамъ всѣхъ полезныхъ знаній и украшающихъ жизнь на-«шу изящныхъ искуствъ. Еще разъ, Мм. Гг.: да здравствуетъ, «да благоденствуетъ нашъ Государь, вмѣстѣ съ окружающимъ «Его цвѣтущимъ Семействомъ, вмѣстѣ съ другою, не менѣе «любезною Ему дочерью, Россіею.»

Тутъ снова раздались и долго не умолкали восклицанія: ура!

Послѣ сихъ торжественныхъ *тостовъ* и пѣнія національна-го гимна: *Боже Царя храни*, Президентъ обратился къ сосѣду своему, коего юбилей былъ празднуемъ, съ дружескимъ, нѣж-нымъ привѣтствіемъ, говоря:

«Мы, хотя въ Академіи, но не въ засѣданіи, и потому я «не буду, какъ то обыкновенно водится, исчислять и по воз-«можности оцѣнять произведенія Вашихъ литературныхъ тру-«довъ. Дозволю себѣ сказать только, что пора бы, и давно пора «собрать эти *разсѣянные перлы*, какъ ихъ назвалъ покойный «*Стурдза, и составить изъ нихъ полное драгоцѣнное ожерелье, къ «украшенію Русской словесности.* Не согласитесь ли Вы, любез-«нѣйшій Князь, поручить это нашему обществу, давъ ему и «средства въ точности исполнить Ваше порученіе? Такой трудъ, «если можно назвать его трудомъ, и легкій, и пріятный, доста-«вилъ бы намъ, особливо мнѣ, еще удовольствіе особаго рода: «пройти снова, вмѣстѣ съ Вами, черезъ минувшую нашу жизнь, «черезъ улетѣвшую отъ насъ молодость, которой часть по край-«ней мѣрѣ мы провели вмѣстѣ.

L'homme, сказалъ гдѣ-то Французскій поэтъ Делиль,
quelquefois rejetant ses regards en arrière,
Se plait à distinguer dans le cercle des jours,
Ce peu d'instants helas! et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un désert, ces temps où le ramène
Le regret du plaisir et même de la peine.

«Такъ и мы, обращаясь къ прошедшему, вспоминая все *былое*, «хорошее и худое, и близкія наши, оживлявшія и образовавшія «нашъ вкусъ къ словесности сношенія, другъ съ другомъ и съ «нашими учителями вкуса, *Карамзинымъ*, *Дмитріевымъ* и съ об- «щимъ, неизмѣннымъ нашимъ товарищемъ *Жуковскимъ*, кото- «рый ввѣрялъ намъ всѣ свои мысли, чувства, планы своихъ «сочиненій, и тѣмъ какъ будто приглашалъ дѣлиться съ нимъ «наслажденіями его творческаго ума, вспомнимъ, не безъ улыб- «ки, и объ нашихъ — сказать ли? — *литературныхъ шалостяхъ*, «потому между прочимъ, что въ нихъ не рѣдко бывало много «живости и ума.»

Эти послѣднія слова произнесены съ такою непринужденною, можно сказать, простодушною веселостію, что они возбудили ее и во всемъ собраніи.

III.

Князь Петръ Андреевичь Вяземскій, съ замѣтнымъ волненіемъ духа отъ живаго сочувствія къ столь искреннему и дружескому привѣтствію *Графа Дмитрія Николаевича Блудова*, отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Первымъ чувствомъ и первымъ словомъ моимъ да будетъ глубочайшая моя благодарность Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ за высочайшую милость, которою Ихъ Величества меня осчастливили.

«Искренняя признательность моя и Вамъ, Милостивые Государи, за благосклонное вниманіе, которымъ вы меня удостоили.

Теперь позвольте мнѣ объяснить Вамъ, какъ я сознаю и понимаю это вниманіе.

«Къ сожалѣнію, литературные юбилеи совершаются у насъ рѣдко. Смерть перебѣгаетъ имъ дорогу, и часто, еще далеко до цѣли, захватываетъ избранныхъ, которыхъ долгоденствіе было бы народной радостью и обогащеніемъ народной славы. Особенное тому исключеніе, встрѣченное Вами съ лестнымъ вниманіемъ, пало на меня, на меня, который менѣе многихъ другихъ заслуживалъ бы сей почести. Нынѣшнее собраніе и радушное привѣтствіе, которыми Вы меня удостоиваете, служатъ доказательствомъ, во-первыхъ, моей живучести, за которую обязанъ я благодарить Провидѣніе, дозволившее мнѣ дожить до настоящаго праздничнаго дня; во-вторыхъ, доказательствомъ Вашей памяти, не сухой, строго подводящей всему итоги, но драгоцѣнной памяти сочувствія и благоволенія. За нее не умѣлъ бы я вполнѣ и достаточно выразить мою глубочайшую благодарность. Тѣмъ болѣе тронутъ я находчивостью Вашей памяти, что я съ своей стороны ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить ее и указать ей путеводительные слѣды. Я даже не кончилъ тѣмъ, чѣмъ многіе спѣшатъ начать, а именно, собраніемъ и напечатаніемъ полныхъ своихъ произведеній. И донынѣ еще не собраны грамоты моего авторскаго мѣстничества, моя метрика, мой литературный послужной списокъ — все у меня находится въ большомъ безпорядкѣ. Предстою предъ Вами безъ документовъ на-лицо, безъ полновѣсныхъ книгъ и книжекъ, получившихъ осѣдлость и право гражданства въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ. Самъ почтеннѣйшій Президентъ Академіи, котораго ученая, разнообразная и богатая память можетъ замѣнить полнѣйшую энциклопедію и подробнѣйшій каталогъ; самъ Управляющій Пу-

бличною Библіотекою, который привелъ наше народное книгохранилище въ такой удовлетворительный и блестящій порядокъ — и они затруднились бы возстановить вполнѣ и въ хронологической послѣдовательности родословное древо моего авторскаго достоинства, если и могла бы здѣсь рѣчь итти о какомъ нибудь достоинствѣ. Это древо, въ теченіе многихъ пропущенныхъ десятилѣтнихъ давностей, разбросано по широкому полю отдѣльными вѣтками и листьями. Кто дастъ себѣ трудъ отыскать въ *дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ*, подъ полувѣковою пылью забытыхъ журналовъ и сборниковъ, эти затерянные зародыши, попытки и матеріалы, изъ коихъ многіе уже успѣли сдѣлаться развалинами? Впрочемъ такой подвигъ, послѣ оказываемаго мнѣ Вами, Мм. Гг., снисхожденія, мнѣ и не нуженъ. Вы довѣряете мнѣ, такъ сказать, на-слово; Вы, по собственному побужденію Вашего просвѣщеннаго и дружелюбнаго сочувствія, мимо всѣхъ формальностей и законныхъ видовъ, Вы меня удостоиваете лучшаго отличія. Высоко цѣню эту честь, не обольстительно возвышая себя предъ собою, но сердечно умиляясь предъ высотою награды Вашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ понимаю и вѣрное ея значеніе. Здѣсь придется мнѣ повторить себя: со стариками это часто бываетъ. Нѣсколько лѣтъ тому было мнѣ оказано въ Москвѣ вниманіе въ родѣ нынѣшняго, и тогда выразилъ я свое убѣжденіе. Съ тѣхъ поръ я въ глазахъ своихъ не выросъ; я только состарѣлся. Но съ тою же живою признательностію, съ тѣмъ же самосознаніемъ, какъ и тогда, скажу, Мм. Гг., и Вамъ: Вы во мнѣ радушно привѣтствуете и ласково провожаете живое и нечуждое сочувствіямъ Вашимъ преданіе. Вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда былъ я питомцемъ, современникомъ и товарищемъ. Не мои дѣла, не мои труды, не мои побѣды

празднуете Вы. Вы заявляете сердечное слово, Вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцѣлѣлъ изъ побоища смерти и пережилъ многихъ знаменитыхъ сослуживцевъ. На поприщѣ гражданина имѣлъ я также одинъ поэтическій и достопамятный день, который означаетъ особенною отмѣткой обыкновенную жизнь человѣка. Много ли насчитается нынѣ на-лицо изъ тѣхъ, которые были хотя и незамѣтными, но присутствующими участниками въ великой, эпической Бородинской битвѣ? Не ищите имени моего въ лѣтописи этой битвы; но я подъ ядрами находился въ сей день при *Милорадовичъ*. Въ ушахъ моихъ еще звучитъ повелительный голосъ его; предъ глазами моими еще рисуется его спокойное и мужественное лице. На литературномъ поприщѣ равно я живое воспоминаніе великой эпохи. Я напоминаю вамъ, Милостивые Государи, имена ея, имена *Карамзина*, *Жуковскаго*, *Пушкина* и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей, сихъ воиновъ мирнаго, но побѣдительнаго слова. Я пережилъ ихъ, какъ пережилъ и многихъ изъ своихъ Бородинскихъ товарищей. Это не заслуга, но это право на сочувственное вниманіе Ваше. Вы вмѣняете мнѣ въ заслугу счастіе, которое сблизило и сроднило меня съ именами, Вамъ любезными и съ блескомъ записанными на скрижаляхъ памяти народной. Вы любите настоящее: Вы горячо живете его жизнію, его заботами, успѣхами и надеждами. Но Вы не отрекаетесь отъ минувшаго и не остаетесь равнодушными къ тому и къ тѣмъ, которые честно отживаютъ. Вы сочувствуете и радуетесь новымъ дарованіямъ, новымъ труженикамъ науки, слова и искуства, которые нынѣ обогащаютъ литературу нашу. Но Вы того мнѣнія, что все новое хорошее, изящное, честное, не должно насильственно замѣщать и уничтожать изящное и честное старое, а служить ему развитіемъ и пополненіемъ. Любовь, во всѣхъ возвышенныхъ и ду-

ховныхъ примѣненіяхъ къ явленіямъ жизни и дѣйствительности, есть чувство безсмертное и слѣдовательно всеобъемлющее. Ограничивать любовь одновременнымъ пристрастіемъ къ тому, что есть, къ тому, что на глазахъ и подъ рукою, значитъ унижать ее. Нѣтъ, любовь къ просвѣщенію, любовь къ добру, къ человѣчеству, объемлетъ и то, что есть, и то, что было, а безсмертнымъ предчувствіемъ и то, что будетъ. Все прекрасное, все доброе, совмѣщается для нея въ одно разумное и стройное цѣлое, которое имѣетъ корни въ минувшемъ и незримые и таинственные зародыши и побѣги въ будущемъ. Любви не чужды ни колыбели потомковъ, ни могилы предковъ. Она, заботясь объ обязанностяхъ дня сего, привѣтствуетъ упованія завтрашняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свято дорожитъ памятью и вчерашняго дня. Если не ошибаюсь, таковы значеніе и сокровенное чувство избраннаго и разнообразнаго общества, которое здѣсь собралось и удостоиваетъ меня честію, далеко превосходящею мои литературныя заслуги. Во мнѣ, пока еще живомъ, спѣшите Вы, Милостивые Государи, заплатить долгъ любви и признательности нашимъ общимъ наставникамъ и друзьямъ, уже отжившимъ. За себя и за тѣхъ, которыхъ Вы во мнѣ почтили, благодарю Васъ отъ полноты умиленной и сладостно взволнованной души. Благодарю Васъ и за настоящее поколѣніе, которое съ юными силами и мужественнымъ одушевленіемъ служитъ благородному дѣлу слова, искуства и истины. Оно также въ свою очередь уступитъ мѣсто молодому племени, которое, по слѣдамъ его, будетъ продолжать и довершать святую задачу просвѣщенія. Пускай изъ моего примѣра и нынѣшняго собранія почерпнетъ оно отрадное убѣжденіе, что общество, увлекаемое потокомъ настоящаго, умѣетъ съ благодарностію поминать и прошедшее.»

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на слушателей, было самое пріятное. Общее сочувствіе ко всему, такъ скромно и благородно высказанному Поэтомъ, общее согласіе съ каждою изъ прекрасныхъ мыслей его, наконецъ общее сознаніе тѣхъ началъ высокаго искуства, которыми онъ умѣлъ слить всѣ эпохи литературы въ одну непрерывную народную жизнь — все вмѣстѣ разлило по собранію особенное оживленіе.

IV.

Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тогда тостъ за процвѣтаніе Академіи, за здоровье Президента ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Высокаго Гостя, почтившаго присутствіемъ Своимъ праздникъ Академіи, равно какъ и за здоровье прочихъ гостей. Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, выразивъ отъ лица товарищей Господину Министру Народнаго Просвѣщенія полную признательность за постоянное его содѣйствіе къ поддержанію благосостоянія и чести Академіи, обратился къ *Князю П. А. Вяземскому* и произнесъ:

«Собраніе, окружающее здѣсь Васъ въ нынѣшній день, приноситъ Вамъ, *Князь Петръ Андреевичъ*, двойственную дань — дань уваженія и любви.

«Товарищи Ваши, Академики, радостно поспѣшили воспользоваться совершившимся пятидесятилѣтіемъ Вашей литературной дѣятельности, чтобы торжественно высказать Вамъ,

какъ высоко цѣнятъ они свѣтлый умъ Вашъ и Ваше самобытное, прекрасное дарованіе.

« Но Академія, въ этотъ праздникъ свой, лишила бы себя и Васъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ пріятныхъ ощущеній, если бы не пріобщила къ своему кругу другихъ товарищей Вашихъ, болѣе близкихъ Вашему сердцу, Вашихъ родныхъ и друзей. Ихъ присутствіе придаетъ нашему академическому собранію видъ домашняго круга Вашего, и наши голосà, наши рѣчи, обращенныя къ заслугамъ Академика, получаютъ звуки и выраженіе тѣхъ задушевныхъ словъ, въ которыхъ Вы привыкли слышать одно выраженіе давней, неизмѣнной любви, этой общей дани Вашему прекрасному сердцу.

« Между нами, въ настоящую эпоху, положеніе Ваше исключительное и конечно самое завидное. Въ числѣ Академиковъ, Вы одни являетесь здѣсь съ благодатью надъ челомъ, со звѣздою Поэзіи. По смыслу этого слова, Ваши идеи, Вашъ языкъ получаютъ для насъ значеніе творчества. Вы общимъ академическимъ трудамъ нашимъ доставляете вдругъ и обогащеніе и законность. Еще въ классической древности опредѣлили, что можно сдѣлаться ученымъ, а поэтомъ надобно родиться. Отъ того-то истинныя красоты поэзіи для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ равно неувядаемы.

« Какъ художникъ по призванію, Вы проходите поприще свое независимо и твердо. Въ произведеніяхъ Вашихъ все носитъ только Вамъ принадлежащій характеръ. Блестящій умъ Вашъ умѣетъ сводить самые разнородные предметы въ такіе картины и образы, которыхъ неожиданность, вѣрность и живость неизгладимо напечатлѣваются на воображеніи. Созданный Вами

языкъ, болѣе, нежели чей нибудь изъ нашихъ писателей, доходитъ до сердца каждаго Русскаго, и трогательно отзывается въ немъ, какъ тѣ родные, такъ любимые нами, звуки и выраженія, которые въ неизмѣнномъ языкѣ народа нашего, на всемъ протяженіи тысячелѣтней исторіи его, переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому, всегда равно всѣмъ внятны, усладительны и незамѣнимы.

«Шестнадцати лѣтъ посвятились Вы въ поэты. Изъ рукъ образователя и законодателя языка нашего, когда самъ онъ приступилъ къ безсмертному труду «Исторіи Государства Россійскаго», приняли Васъ въ дружеское сообщество свое *Жуковскій* и *Батюшковъ*. Скоро присоединился къ Вамъ и тотъ чудный отрокъ, который въ это время еще беззаботно игралъ въ Царскосельскихъ садахъ, но уже отмѣченъ былъ рукою генія. Какое время! какія воспоминанія! Говоря объ этихъ людяхъ, кто можетъ не сочувствовать имъ? Но, раздѣляя съ ними все, и мысли ихъ, и вкусъ, и высокія убѣжденія, Вы прекрасно сохранили за собою тотъ избранный дарованіемъ Вашимъ удѣлъ, въ которомъ остались независимымъ и безспорнымъ владѣльцемъ.

«Не молодость, не суетность, не примѣръ и не первый даже успѣхъ вызвали и удержали васъ на служеніи строгому Искусству. Если бы, глубоко, въ сокровенномъ храмѣ Вашего сердца, сама природа не зажгла этого священнаго огня, трудно Вамъ было бы цѣлое полстолѣтіе поддерживать и охранять его отъ всѣхъ искушеній жизни, отъ всѣхъ оборотовъ счастія. Проникая въ тайныя помышленія души Вашей, какъ и Вы, мы благодаримъ Бога за все, ниспосланное Вамъ. Но въ то же время не можемъ не благодарить и прямо Васъ за назидательный примѣръ, какой даете Вы намъ своею покорностію волѣ

Провидѣнія, своею любовію къ Поэзіи, очищающей душу и возвышающей мысли, наконецъ своею неизмѣнностію въ сохраненіи того истиннаго достоинства, которое заключено, по счастливѣйшему выраженію *Жуковскаго*, въ одномъ словѣ «Человѣкъ».

«Много эпохъ пережили Вы, *Князь Петръ Андреевичь*, и въ политическомъ мірѣ и въ литературномъ. Много видѣли Вы колебаній въ томъ и другомъ. Людскія славы передъ Вами восходили и заходили. Вы на все смотрѣли какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Много намъ передали Вы своихъ завѣтныхъ думъ. Конечно, еще болѣе Вы храните ихъ въ назиданіе тѣмъ, которые, какъ Вы, нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину. Но Вы и нынѣ благодушно встрѣчаете все, все, что съ любовью и надеждой на добро несетъ вѣрующій въ свое время человѣкъ. За это Христіанское чувство примите наше общее привѣтствіе. Для насъ было елеемъ Ваше *«Слово примиренія»*, и пусть останутся навѣкъ девизомъ нашимъ золотые въ немъ стихи:

«Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука!
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!»

«Примите же, Князь, единодушное, сердечное желаніе наше, чтобы долго, долго слышенъ былъ между нами Вашъ голосъ, и долго находили бы мы то сочувствіе въ Васъ, которое, какъ высоко-поднятое знамя, однимъ присутствіемъ своимъ радуетъ и одушевляетъ.»

По окончаніи привѣтствія, Академикъ *П. А. Плетневъ* попросилъ позволенія прочитать стихи, написанные по случаю

совершающагося празднества *Өедоромъ Ивановичемъ Тютчевы* и для прочтенія переданные ему авторомъ. Вотъ они:

«У Музы есть различныя пристрастья.
Дары ея даются неравно.
Стократъ она божественнѣе Счастья,
Но своенравна какъ оно.

Иныхъ она лишь на зарѣ лелѣетъ,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ;
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣетъ —
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тѣмъ у ручья на луговинѣ тайной,
Нежданная, является порой,
Порадуетъ улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи нѣтъ второй.

Не то отъ ней присуждено Вамъ было.
Васъ юношей застигнувъ въ добрый часъ,
Она въ душѣ Васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ Васъ.

Досужая, она, не мимоходомъ
Пеклась о Васъ — ласкала, берегла,
Растила Вашъ талантъ — и съ каждымъ годомъ
Любовь ея нѣжнѣе все была.

И какъ съ годами крѣпнетъ, пламенѣя,
Сокъ благородный виноградныхъ лозъ—
И въ кубокъ Вашъ все жарче и свѣжѣе
Такъ вдохновеніе лилось.

И никогда такимъ виномъ, какъ нынѣ,
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ.
Давайте жъ, Князь, подымемъ въ честь богинѣ
Вашъ полный, пѣнистый фіалъ.

Богинѣ въ честь, хранящей благородно
Залогъ всего, что свято для души —
Родную рѣчь.... Расти она свободно
И подвигъ свой начатый доверши!

Потомъ, мы всѣ въ молитвенномъ молчаньѣ
Священныя поминки сотворимъ —
Мы сотворимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно-дорогимъ.

Нѣтъ отклика на голосъ, ихъ зовущій;
Но въ свѣтлый праздникъ Вашихъ именинъ
Кому жъ они не близки, не присущи:
Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ?...

Такъ: вѣримъ мы — незримыми гостями
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витаютъ между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За ними, Князь, во имя Музы Вашей,
Подносимъ Вамъ заздравное вино,
И долго, долго, въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно.

Сочувствіе къ этимъ вдохновеннымъ стихамъ было повсемѣстное и полное.

V.

Привѣтствія, обращаемыя къ Поэту, постепенно становились оживленнѣе и начали привлекать гостей къ тому мѣсту, гдѣ было средоточіе празднества. По замѣченному приготовленію оркестра къ исполненію какой-то особенной пьесы, еще болѣе собралось туда слушателей. *Графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ* попросилъ позволенія пропѣть куплеты, написанные

имъ на нынѣшній праздникъ. Едва оркестръ началъ исполненіе, гости услышали столь многимъ изъ нихъ памятную музыку, которую покойный *Графъ Михаилъ Юрьевичь Віельгорскій*, такъ очаровывавшій всѣхъ сокровищами знаній, блескомъ талантовъ, юношескою до конца жизни душой, и на все доброе, на все прекрасное готовымъ сердцемъ, сочинилъ за двадцать три года передъ симъ на стихи *Князя П. А. Вяземскаго*, которые были написаны и пѣты тоже по случаю пятидесятилѣтняго юбилея, *И. А. Крылова*, и начинаются такъ:

«На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ».

Вотъ куплеты *Графа В. А. Соллогуба:*

1.

Сегодня праздникъ юбилейный,
Скрѣпляя прошлаго итогъ,
Зоветъ Тебя на пиръ семейный
Въ душевно-родственный кружокъ.
И былъ бы пиръ у насъ на-диво,
Когда бъ, въ привычный намъ урокъ,
Своимъ стихомъ шутя игриво,
Ты́ самъ себя воспѣть бы могъ.

2.

Полвѣка Ты свои стремленья
И весь огонь душевныхъ силъ
Святому дѣлу просвѣщенья
Не колебавшись посвятилъ;
За то Россія ужь полвѣка,
Твою правдивость полюбя,
Въ тебѣ почтила человѣка —
И все бы слушала тебя.

3.

Любимый незабвеннымъ кругомъ,
Ты въ золотыя времена
Былъ Пушкина ближайшимъ другомъ,
Ты братомъ былъ Карамзина.
Ты съ ними пѣлъ и Музъ и Феба,
И въ наши скудные года
Ты отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

4.

Ты воплощенное преданье;
Но ключь поэзіи родной
Все бьетъ въ тебѣ, намъ въ назиданье,
Какой-то юной стариной.
Ты старымъ юношамъ улика —
И кто, средь праздной суеты,
У насъ отъ мала до велика
Моложе чувствуетъ, чѣмъ Ты?

5.

И отъ того въ нашъ вѣкъ печальный
Сберегъ Ты тердца теплоту,
Что тканью рѣчи идеальной
Скрывалъ Ты правды нагоду;
Не увлекаясь на свободѣ
И даже въ жизненной борьбѣ,
Ты чтилъ поэзію въ Природѣ,
Ты чтилъ поэзію въ себѣ....

6.

Свѣти жъ, звѣзда полвѣковая,
И ярче все, и все свѣтлѣй,
Для гордости роднаго края,
Для радости Твоихъ друзей;
И пусть отъ яркаго свѣтила,
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрятся и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.

VI.

Академикъ *Михаилъ Петровичъ Погодинъ*, въ Москвѣ получивъ извѣщеніе о приготовляемомъ Академіею праздникѣ, поспѣшилъ прибыть сюда. Сердечно раздѣляя общія чувства истиннаго уваженія къ Поэту и справедливую дань привязанности къ его прекрасному дарованію, онъ съ истиннымъ одушевленіемъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

« Рѣдко случается ораторамъ находиться въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ, на праздникѣ въ честь 50-ти лѣтней литературной дѣятельности *Князя Вяземскаго*. Заботиться о содержаніи привѣтствій не нужно, потому что предметъ самъ по себѣ доставляетъ богатое и разнообразное, и въ то же время можно быть заранѣе увѣрену въ общемъ единодушномъ сочувствіи, какъ бы слово ни высказалось безыскуственно и даже неудачно. Сочиненія *Князя Вяземскаго* — но кому же они неизвѣстны? При одномъ его имени, вѣрно уже встали въ вашемъ воображеніи тѣ сладкіе звуки, которые, въ разныя эпохи жизни, начиная отъ ранней молодости, доставляли вамъ столько чистаго удовольствія, возбуждали въ васъ такія пріятныя чувства: порой наводили тихую грусть, порою производили живую веселость — и теперь представляютъ вамъ дорогія для васъ воспоминанія.

« Новая наша критика, или рецензія, возстаетъ противъ искуства для искуства, и на этомъ основаніи осуждаетъ *Князя Вяземскаго*. Мнѣ кажется, она стѣсняетъ слишкомъ границы положенія: искуство для искуства. Искуство для искуства есть вмѣстѣ и для души, для духа, а духъ, душа, составляя сущность

человѣка, полезны, нужны, пригодны на все, вездѣ, всегда. Возвышается духъ, образуется душа, разогрѣвается сердце — и въ этомъ возвышеніи, въ этомъ образованіи, въ этомъ умиленіи заключается самая дѣятельная, самая *полезная* польза, самое вѣрное средство для достиженія какихъ угодно цѣлей.

«Позвольте употребить сравненіе для хорошаго урожая что нужно? Плодоносная, тучная почва — отвожу вамъ, не въ примѣръ другимъ, сколько угодно десятинъ изъ арендныхъ земель въ любой черноземной губерніи. Нужны свѣжія, многоплодныя сѣмена — выписываю пшеницу, дающую самъ-сто, съ полей внутренней Азіи, и ячмень, дающій самъ-двѣсти, съ дѣвственныхъ пажитей Америки. Нуженъ еще трудъ неутомимый — отдаю въ ваше распоряженіе, хотя, слава Богу, заднимъ числомъ, тысячу крѣпостныхъ рукъ, обязанныхъ работать для васъ бѣзданно-безпошлинно. Вотъ вамъ еще сколько угодно машинъ пахотныхъ, сѣяльныхъ, жатвенныхъ, вывезенныхъ изъ Англіи, Бельгіи, Германіи, и въ придачу нѣсколько общественныхъ руководствъ, изданныхъ нашими учеными Обществами сельскаго хозяйства. Довольны ли вы? Вы увѣрены въ успѣхѣ, не правда ли? Нѣтъ, Милостивые Государи, вы ошибаетесь жестоко: для хорошаго урожая всего этого мало — для него нужны больше всего живительная теплота, цѣлительная влага; онѣ даютъ ростъ стеблю, красоту цвѣту, зрѣлость плоду; онѣ сообщаютъ вкусъ произведеніямъ земли. Вотъ эту теплоту и производитъ, вотъ эту влагу источаетъ, воспитываетъ въ душѣ искуство для искуства. Безъ нихъ тщетны всѣ труды и усилія, безплодны всѣ познанія и таланты.

«*Князь Вяземскій* не искалъ, правда, своего вдохновенія въ протоколахъ Управы Благочинія, не рылся для предметовъ сво-

ихъ сочиненій въ архивахъ Уголовной Палаты, не заносилъ в свои стихотворенія Сенатскихъ опредѣленій, и между его рис мами, какъ онѣ ни бываютъ смѣлы, новы и неожиданны, в встрѣчаются цифры, играющія нынѣ вездѣ главную роль; и не уже ли жъ, Мм. Гг., только такими буднишними предметам долженъ по преимуществу ограничиваться горизонтъ поэта Бѣдная поэзія!

« Мы, старое поколѣніе, мы готовы отдавать полную спра ведливость всякому благородному негодованію, мы рады сочу ствовать всякому честному гнѣву, и дѣлить ощущенія искре ней скорби при видѣ разныхъ злоупотребленій — особенно, есл всѣ эти чувства берутся не напрокатъ, а вытекаютъ изъ глубин души, и выражаются умно, живо, доброжелательно, согласн съ правилами здраваго смысла, изящнаго вкуса и вѣрной наук но пусть же позволятъ и намъ подышать подъ-часъ чистым воздухомъ, полюбоваться зеленью полей и луговъ, погрѣтьс на солнышкѣ, и изъ анатомическихъ театровъ поспѣшить инот да, выражаясь классически, на лоно природы, dahin, dahin, успо коиться мысленно на вѣчныхъ идеалахъ добра и красоты.

« Тяжело было бы жить на свѣтѣ, если бъ въ насъ безпре стянно поднималась и вскипала желчь, и нельзя не согласитьс что желтуха есть болѣзнь весьма непріятная, безобразная антипоэтическая.

« Съ одними отрицательными чувствами ничего путнаго н выйдетъ изъ жизни.

« Всякое время имѣетъ свои заботы и свои задачи, и всяко талантъ имѣетъ свой характеръ и свой образъ дѣйствія; отли чіе истинной свободы — право каждаго быть собою.

«Наше время есть переходное, это очевидно: общее расположеніе, общее настроеніе, вызванное обстоятельствами и насущными потребностями, имѣющее, положимъ, законное основаніе, приносящее временную пользу, пройдетъ, и пройдетъ скоро; истинная, вѣковѣчная поэзія засвѣтится опять предъ людьми свѣтозарной звѣздою на темномъ нынѣ горизонтѣ, и искуства изящныя, въ строгомъ смыслѣ, воспріимутъ права свои, въ услажденіе, назиданіе и утѣшеніе человѣка.

«Честь и слава Писателю, который всегда былъ вѣренъ этимъ убѣжденіямъ, не увлекался временными стремленіями, шелъ прямо своею дорогой, служилъ искуству для искуства, не для денегъ и другихъ корыстныхъ цѣлей, не для чиновъ и отличій, который, въ нашемъ суровомъ климатѣ, съ замерзаніемъ ртути, климатѣ, подверженномъ дѣйствію всѣхъ вѣтровъ, нордвестовъ и зюйдостовъ, извѣстныхъ кругосвѣтнымъ мореплавателямъ, съ присоединеніемъ особенныхъ, никому неизвѣстныхъ по именамъ, сберегъ въ своей душѣ священный огонь! Честь и слава Писателю, который сохранялъ всегда искреннюю, горячую любовь къ Русской словесности, принималъ живое участіе во всѣхъ ея судьбахъ, ободрялъ всегда молодые таланты, оказывалъ нуждающимся помощь и покровительство.

«Не случалось ли ошибаться *Князю Вяземскому* проходя столь длинное поприще? Безъ сомнѣнія случалось, иначе и быть не могло. Тотъ только не проговорится, не обмолвится, кто молчитъ; тотъ не оступится, не споткнется, кто стоитъ неподвижно на мѣстѣ; и только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Errare — humanum est, гласитъ старая академическая пословица.

«Счастливъ, кто можетъ, положа руку на сердце, сказать, что намѣренія его были всегда благородны, что побужденія его были всегда чисты, что цѣль его всегда была возвышенна, что дѣйствія его никогда не были несогласны съ его убѣжденіями.

«*Князь Вяземскій* можетъ сказать это смѣло, и мы всѣ должны подтвердить и засвидѣтельствовать торжественно его слова; мы обязаны прибавить еще, что онъ былъ готовъ всегда сознаваться въ своихъ ошибкахъ, и самъ указывалъ на свои недостатки.

«Примите же, Князь, въ этотъ знаменательный для Васъ день, выраженіе общаго къ Вамъ почтенія, выраженіе искренней, глубокой признательности къ Вашимъ заслугамъ на пользу отечественной словесности, и наконецъ выраженіе горячихъ желаній, чтобъ Вы долго, долго еще служили украшеніемъ Академіи и всей нашей общественной жизни, чтобъ Вы долго еще, старѣясь, молодѣли между нами, и напоминали новымъ поколѣніямъ, вмѣстѣ съ досточтимымъ нашимъ Президентомъ, тотъ блистательный, поучительный для всѣхъ вѣкъ Русской словесности, когда дѣйствовали: *Карамзинъ*, *Дмитріевъ*, *Крыловъ*, *Озеровъ*, *Гнѣдичъ*, *Мерзляковъ*, *Жуковскій*, *Пушкинъ*, *Грибоѣдовъ*, *Баратынскій*, *Дельвигъ*, ваши друзья, наставники, товарищи, воспитанники!

«Да здравствуетъ заслуженный Академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, *Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій!*»

VII.

Изъ окружавшихъ Московскаго гостя слушателей, Поэтъ *Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ* обратился послѣ него къ *Князю П. А. Вяземскому* съ своимъ поздравленіемъ и произнесъ:

Поклонъ Вамъ, дѣятель нашъ славный
Въ теченьи полусотни лѣтъ!
Поклонъ, привѣтъ и кликъ заздравный
Вамъ, свѣтло-родный нашъ Поэтъ!
И молвимъ здѣсь, какъ за-частую
Отъ Васъ же словомъ поживясь:
Вы «съ Музой свадьбу золотую»
Сегодня празднуете, Князь.

*

Когда напоромъ исполинскимъ
Врагъ угрожалъ стѣнамъ Москвы —
Съ войсками, къ лаврамъ Бородинскимъ,
Назадъ полвѣка, мчались Вы:
Въ груди — огонь, подъ мышкой — лира,
А при бедрѣ — булатный мечъ;
Потомъ — въ рукѣ олива мира,
Въ устахъ — бряцающая рѣчь.

*

Душа, богатая любовью,
Стихъ — чадо бойкаго пера,
Добрѣйшій взглядъ, подъ строгой бровью,
Съ улыбкой — вѣстницей добра,
Глубокость вѣры, чувства живость,
Прямаго сердца теплота,
Ума кипучаго игривость
И рѣзвыхъ шутокъ острота!

*

Но не шутя по жизни полю
Въ даль шли Вы изъ конца въ конецъ.
И скорбь давалась Вамъ на долю,
И тернъ вплетался въ Вашъ вѣнецъ.
Но чѣмъ судьба была къ Вамъ злѣе,
Тѣмъ выше стали Вы надъ зломъ,
И тѣмъ вѣнецъ тотъ сталъ свѣтлѣе
Надъ Вашимъ мыслящимъ челомъ.

*

Вашъ стихъ, что прежде такъ смѣялся
И бойко, весело шутилъ,
Потомъ глубоко отозвался
Бесѣдой съ таинствомъ могилъ;
Былая прыть, мечты и грезы —
Молитвой, думой стали въ немъ,
И риѳмы канули какъ слезы,
Звеня въ паденіи своемъ.

*

Для всѣхъ свѣтило въ Васъ осталось,
Гдѣ свѣтъ завѣтный сохраненъ.
Намъ Ваше имя красовалось
Въ созвѣздьи памятныхъ именъ;
Въ Васъ смотрятъ группой знаменитой
На насъ съ заоблачныхъ вершинъ:
Крыловъ — нашъ дѣдушка маститый,
Жуковскій, Пушкинъ. Карамзинъ.

*

Сіяй, блистай, звѣзда родная.
Нашъ Князь по сердцу и уму!
Вдвойнѣ сіятельный, сіяя
Не по титулу одному!

Пусть долго, долго — всѣмъ на радость —
Живетъ возлюбленный Поэтъ,
И новыхъ звучныхъ пѣсень сладость
Даетъ вкушать намъ много лѣтъ!

*

Онъ будетъ юнъ душою вѣчно,
Душа не вѣдаетъ сѣдинъ.
Въ немъ все глубоко-человѣчно:
Упрековъ нѣтъ.... Иль есть — одинъ,
Что Князя Вяземскаго дѣти
Отъ брака съ Музою его —
Въ разбродъ гуляютъ въ бѣломъ свѣтѣ,
Не зная дома своего.

*

Порою, странствуя далёко,
Онъ ихъ оттуда, гдѣ бывалъ,
Изъ странъ Заката и Востока
Въ свою отчизну присылалъ.
Тамъ — ихъ родины, тамъ — крестины;
Тѣ — отъ завѣтныхъ шли сторонъ,
Подъ знойнымъ небомъ Палестины,
Крестившись тамъ, гдѣ Богъ крещёнъ.

*

Пусть онъ къ нимъ нѣжную приложитъ
Заботу, вкупѣ ихъ сберетъ,
И ихъ сторицею умножитъ
И всѣхъ семейно въ міръ введетъ!
И міръ, при кликахъ громогласныхъ
Принявъ ихъ заодно съ отцомъ,
Покроетъ чадъ его прекрасныхъ
Академическимъ вѣнцомъ.

VIII.

Графъ *Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ*, обращаясь къ Предсѣдателю Академіи и испросивъ позволеніе предложить тостъ, произнесъ слѣдующія слова:

«Ваше Сіятельство, вѣрно помните, какъ, двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, былъ данъ обѣдъ въ честь литературной знаменитости, также дорогой для всей Россіи, и какъ Вы, Графъ, прочитали стихи, сочиненные однимъ изъ распорядителей того обѣда — виновникомъ нынѣшняго торжества. Въ числѣ многихъ слуштаелей, я не смѣлъ тогда выразить, но глубоко чувствовалъ желаніе, чтобы Поэтъ, такъ счастливо уподобившій *Крылова* Орфею, могъ также дожить до своего юбилея и быть также окруженъ въ тотъ день пріятелями, любящими горячо его самого, и также влюбленными въ Музу, съ которою его лира насъ сблизила. Это желаніе сбылось: сегодня Члены Академіи Наукъ выразили, при общемъ сочувствіи всѣхъ насъ, свое мнѣніе о *Поэтѣ*. Позвольте мнѣ, не Члену Академіи, выразить въ немногихъ словахъ мое мнѣніе о вліяніи, какое произвели поэзія и языкъ *Князя Вяземскаго* на все общество. Вамъ извѣстно, что его стихи пользуются такою народностью, что многіе изъ нихъ превратились въ народныя поговорки. Но *Князь Вяземскій* самъ, обращаясь въ свѣтскихъ собраніяхъ, всегда занятый на раутахъ разговоромъ то съ однимъ, то съ другимъ внимательнымъ слушателемъ, производитъ своими словами какую-то особенную устную литературу. Эти слова, какъ Вольтеріана, Джонсоніана, Вальполіана, переходятъ отъ одного къ другому и врѣзываются въ память по своей колкости, или по своему чувству, по своей шутливости, или по своей правдѣ.

«Какъ *Горацій*, уважаемый Цесаремъ, любимый народомъ, онъ однако никогда не чувствовалъ нужды въ Меценатахъ. Замѣтьте, Господа, что онъ прославлялъ всегда своими стихами однихъ тѣхъ мужей, въ которыхъ онъ признавалъ литературное, или военное, или гражданское, словомъ — нравственное достоинство. Такимъ образомъ его разговоръ доставлялъ не только удовольствіе, но пользу, а его посланія — должное награжденіе и честь.

«Господа! Во всѣхъ радостныхъ случаяхъ, почести, намъ оказанныя, всегда дороже, когда могутъ быть свидѣтелями этихъ почестей лица, ближайшія нашему сердцу. Кому можетъ слава отца быть такъ дорога, какъ не сыну? Къ сожалѣнію, сына *Князя Вяземскаго* нѣтъ между нами. Онъ отозванъ въ дальнее мѣсто, по обязанностямъ службы на томъ благородномъ поприщѣ, которому онъ, по примѣру отца, посвятилъ себя.

«Выпьемте въ этотъ радостный день, Господа, за здоровье *Князя Павла Петровича Вяземскаго*.»

Этотъ тостъ, тронувшій сердце отца, и безъ того полное сладостныхъ ощущеній, вызвалъ у гостей единодушныя рукоплесканія.

Дружеская веселость тѣснѣе и тѣснѣе сдвигала ряды передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ принималъ заслуженныя привѣтствія всѣми любимый Поэтъ. Удачно протѣснившись къ нему, *Николай Ивановичъ Гречь* произнесъ собранію слѣдующее:

«Милостивые Государи! Всѣ мы съ удовольствіемъ выслушали высказанныя прозой и стихами поздравленія *Князю Петру Андреевичу*. Позвольте мнѣ на этомъ веселомъ праздникѣ

прочитать его собственные стихи, написанные имъ въ началѣ поэтическаго его поприща. Они всѣмъ намъ дороги, не только по блестящему таланту, но и по славнымъ воспоминаніямъ, которыми Россія никогда не перестанетъ гордиться. Кто не знаетъ надписи его къ портрету Императора Александра I?

«Мужъ, твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.
Какой вѣнецъ ему? какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой Царь.»

IX.

На обѣдѣ въ числѣ гостей находился Нѣмецкій литераторъ *Г. Вольфсонъ*, извѣстный не только своими драматическими сочиненіями, но и своимъ постояннымъ и прилежнымъ изученіемъ умственной дѣятельности Россіи. Надобно прибавить, что мы обязаны *Г. Вольфсону* очень удачными и, главное, очень вѣрными переводами стихотвореній *Пушкина*, *Лермонтова*, *Тютчева* и другихъ Русскихъ писателей. Германскій литераторъ былъ сильно растроганъ всѣмъ, вокругъ него происходившимъ, и попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ.

Онъ началъ свою рѣчь *по-Русски*, языкомъ самымъ правильнымъ; даже и въ выговорѣ его едва замѣтенъ былъ чужеземный акцентъ. «Милостивые Государи (сказалъ онъ по-Русски), я прошу у васъ позволенія говорить на моемъ родномъ Нѣмецкомъ языкѣ, ибо если можно думать и выражать мысли на чужомъ языкѣ, то передавать чувства можно лишь на своемъ собственномъ.»

За симъ *Г. Вольфсонъ* продолжалъ по-Нѣмецки. Мы могли удержать въ памяти лишь общее содержаніе его рѣчи. Онъ ста-

раяся оправдать себя въ томъ, что рѣшился говорить по-Нѣмецки въ Русскомъ кругу̀, ссылаясь на близкое знакомство Русскихъ Ученыхъ и Литераторовъ съ Нѣмецкою литературою.

Напомнивъ свое давнее знакомство съ *Княземъ П. А. Вяземскимъ* и съ его произведеніями, *Г. Вольфсонъ* прочелъ переводъ стихотворенія *Князя Вяземскаго* «Слезы», отличающійся столько же своею поэтическою вѣрностію, сколько почти буквальною точностію. Вотъ этотъ переводъ:

Ach, wie viel vergoss ich
Thränen einst im Schmerz
Und wie viel verschloss ich
Tief in's wunde Herz!

Die dem Aug' entbebten,
Deren denk' ich nie:
Frisch wie Thau belebten
Meine Seele sie.

Die im Herzensgrunde
Ihr verborgen flosst,
An der alten Wunde
Haftet Ihr wie Rost. *

* Подлинное стихотвореніе *Князя Вяземскаго*:

Сколько слезъ я пролилъ!
Сколько тайныхъ слёзъ
Скрыться приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!

Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства оживились
Свѣжей ихъ росой.

Слезы, что отсѣли
На сердечномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

Мы сожалѣемъ, что не можемъ передать нашимъ читателямъ всѣхъ подробностей рѣчи Германскаго Литератора, въ особенности же чувства, съ которымъ онъ выразилъ то взаимное воздѣйствіе, которое нынѣ образуется между Русскою и Германскою литературою.

«Я не смѣю (сказалъ онъ) назвать себя представителемъ Нѣмецкихъ литераторовъ, но убѣжденъ, что въ эту минуту я дѣйствую въ ихъ духѣ, ибо, замѣтилъ онъ, прошло то время, когда Германская литература не выходила изъ области отвлеченныхъ, заоблачныхъ мечтаній. Германская умственная дѣятельность чужда себялюбивой нетерпимости; новый духъ проникъ въ наши убѣжденія, и при этомъ переворотѣ постепенно образовалось глубокое уваженіе ко всему человѣческому, ко всему живому, гдѣ и въ какой бы отрасли жизнь ни проявлялась. Можемъ ли же мы быть равнодушными къ Россіи, особенно теперь, когда великое гражданское событіе, въ ней совершающееся, возбуждаетъ и должно возбуждать искреннее, глубокое сочувствіе во всѣхъ мыслящихъ и благонамѣренныхъ людяхъ, къ какой бы націи они ни принадлежали?»

Г. Вольфсонъ заключилъ свою рѣчь обращеніемъ къ юбиляру, и припомнилъ, что произведенія *Князя Вяземскаго* не ограничивались одною эстетическою сферою, но что его литературное служеніе было на пользу и общественнаго развитія Россіи. Онъ выразилъ между прочимъ ту мысль, что преуспѣяніе Россіи докажетъ Европѣ, сколь велико и благодѣтельно дѣйствіе свободы, когда она идетъ объ-руку съ законностію.

Въ заключеніе торжества, Его Императорскому Высочеству *Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому* угодно

было провозгласить тостъ за здоровье *Княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской*. Собраніе отозвалось восклицаніями радости, и мгновенно гости отъ столовъ двинулись съ полными бокалами къ великолѣпной эстрадѣ.

X.

Празднество, приготовленное въ честь Поэта, котораго по преимуществу назвать должно *Русскимъ*, вызвало искреннее сочувствіе всѣхъ, кто только услышалъ объ академическомъ торжествѣ. Въ продолженіе обѣда, во множествѣ получаемы были и прочитываемы привѣтствія отсутствующихъ лицъ, спѣшившихъ заявить *Князю П. А. Вяземскому* ихъ поздравленія.

Вотъ, между прочимъ, задушевное привѣтствіе нѣсколькихъ Петербургскихъ Дамъ, подписавшихъ имена свои подъ общимъ адресомъ:

«Гордиться Вами и намъ дозволено, Князь, ибо всему тому, что доступно уму и сердцу, не могутъ не сочувствовать Русскія женщины. Примите же и нашъ радушный поклонъ и сердечное привѣтствіе. Мысленно соединяемся съ тѣми, которые имѣютъ передъ нами неоцѣненное преимущество окружать Васъ въ эту минуту и изъявлять Вамъ лично то, что мы, изъ глубины Русской души, посвящаемъ нашему Русскому поэту.»

Графиня Разумовская.
Графиня Марія Апраксина.
Графиня Анна Толстая.
Графиня Протасова.
Княгиня Софья Шаховская.
Княжна Александра Долгорукая.
Графиня Анна Сиверсъ.

Елизавета Эйлеръ.
Княгиня Дарья Оболенская.
Анна Тютчева.
Баронесса С. Раденъ.
Княгиня Марья Мещерская.
Графиня Антонина Блудова.
Аполлина Веневитинова.
Графиня Александра Толстая.
Александра Козлова.
Лидія Шевичь.
Вѣра Бартенева.
Графиня Софья Соллогубъ.
Софья Батюшкова.
Княгиня Елизавета Солтыкова.
Княгиня Люція Долгорукова.
Princesse P. Soutzo.
Графиня Анна Комаровская.
М. Пашкова.
Графиня Елена Орлова-Денисова.
Екатерина Александровна Тимашева.
Елена Павловна Захаржевская.
Анна Баратынская.
Княгиня Ольга Одоевская.
Графиня Софья Борхъ.
Княгиня Олимпіада Барятинская.
Екатерина Кривцова.
Анастасія Мальцева.
Эрнестина Тютчева.
Александра Воейкова.
Графиня Елизавета Толстая.
Наталья Ланская.
Александра Карамзина.
Княжна Екатерина Львова.
Hélène de Staal.
Графиня Тизенгаузенъ.
Княгиня Софія Гагарина.

Вѣра Опочинина.
Княгиня Трубецкая.
Марія Тютчева.
Дарья Тютчева.
Княжна Трубецкая.
Княжна Екатерина Голицына.
Анна Валуева.
Графиня Ольга Ростопчина.
Графиня Лидія Ростопчина.

Нѣкоторыя изъ телеграфическихъ депешъ, помѣщаемыхъ здѣсь, получены были и прочитаны также во время самаго обѣда. *Князь П. А. Вяземскій* успѣлъ уже и отвѣтъ приготовить на дружеское привѣтствіе *Дмитрія Петровича Сѣверина*, товарища своего дѣтства. Эта животрепещущая новость, какъ дополненіе къ описанію его «Юбилея», здѣсь помѣщена вмѣстѣ съ телеграммою, на которую она служитъ отвѣтомъ.

1.

Stuttgardt. *Comte Bloudoff.* Académie des Sciences. St.-Pétersbourg.

Roi et Reine félicitent *Prince Wiasemski.* Tous les amis russes, avec *Taubenheim*, *Maucler* et *Hügel* de Stuttgardt, se joignent cordialement au jubilé.

Titoff.

2 Mars, 1861.

2.

Изъ Москвы. Тайному Совѣтнику *Плетневу.* Въ Академіи Наукъ. Въ Петербургѣ.

Душевно привѣтствуемъ и обнимаемъ драгоцѣннаго *Вяземскаго.* Прибыть не можемъ: *Булгаковъ*, *Тимирязевъ*, *Подчаскій* (по службѣ), *Трубецкой*, *Гагаринъ* (по болѣзни), *Бахметевъ* (за отсутствіемъ), *Свербѣевъ* (по семейному трауру).

2 Марта, 1861.

Сенаторъ *Тимирязевъ.*

3.

Munich. *Comte Bloudoff.* St.-Pétersbourg.

Coeur et verre pleins au jubilé du jour.

2 Mars, 1861. *Séverin.* *

* «И сердце полное и полный твой бокалъ»
На праздникѣ моемъ я сердцемъ отыскалъ.
Заочно былъ при мнѣ ты, обманувъ разлуку:
Своей, я сжалъ твою сочувственную руку;
Сердечнымъ слухомъ я — предъ нимъ пространства нѣтъ —
Разслушалъ издали твой дружескій привѣтъ.
Поддавшись въ тотъ же мигъ взаимному наитью,
Въ насъ вздрогнули сердцà подъ проволочной нитью,
И дружескій Изаръ плеснулъ живой водой
Въ Неву, застывшую подъ снѣжною корой.

Лѣтами старики, но дружбой не дряхлѣя,
Съ тобой, давно, ея святаго юбилея
Отпраздновали мы завѣтные года.
Давно сроднила насъ намъ вѣрная звѣзда.
Дѣтьми насъ патеръ *Чижъ*[1] лелѣялъ въ черной клѣткѣ;
Но мы, безпечные, какъ соловьи на вѣткѣ,
Встрѣчая пѣснями весну своихъ годовъ,
Любили мирный свой іезуитскій кровъ.
Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чувствомъ стало.
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей
Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней,
Зародыши добра и любознанья сѣмя.
Счастливые года! безоблачное время!
Намъ дорогъ этихъ дней ужъ дальній небосклонъ.
Завѣсой темною давно задернутъ онъ,
И долгаго пути пространство и тревога
Насъ отвлекли давно отъ свѣтлаго порога.
Но часто, невзначай, изъ этой старины,
Пахнётъ на насъ тепломъ и свѣжестью весны;
Помолодѣемъ мы подъ этимъ дуновеньемъ,
И съ благодарностью и тайнымъ умиленьемъ
Помянемъ возрастъ тотъ и школьныя скамьи,
Гдѣ братья жили мы въ кругу родной семьи.

[1] Авторъ вмѣстѣ съ *Сѣвериным* воспитывался въ Петербу іезуитскомъ пансіонѣ, коего патеръ *Чижъ* былъ настоятелемъ.

4.

Paris. ***Prince Viazemsky.*** **Pétersbourg.**

Félicitations des compatriotes admirateurs absents du poéte national de la Russie sur son jubilé.

Bouténeff.

4 Mars, 1861.

Извѣстно, въ наши дни прослыть іезуитомъ,
Иль не лягнуть въ него заносчивымъ копытомъ,
Есть признакъ тупости и ржавчины ума,
И не избѣгнуть тутъ насмѣшки и клейма.
Въ сей вѣкъ, свободы вѣкъ, терпимость не терпима.
«Ты Гарибальди чти, а папу вонъ изъ Рима!»
Вотъ, буде есть въ тебѣ малѣйшій смыслъ и прокъ,
Вотъ заповѣдь твоя, законъ твой и пророкъ.
А я, анахронизмъ, поросшій мхомъ и прахомъ,
Еще разнѣжиться дерзнулъ въ любви къ монахамъ.
Что жъ дѣлать, если я, де-Местру не съ родни,
А патеровъ люблю, хоть патеры они;
Что помню ихъ хлѣбъ-соль уму, душѣ и тѣлу;
Что по вопросамъ я, иль тяжебному дѣлу,
Которые толпѣ случается поднять,
За торжествующихъ не горячусь стоять,
Лежачаго давить, и безъ большой потери
Геройски разбивать растворенныя двери?
Признательность мою вмѣнятъ ли мнѣ въ вину?
Порвалъ ли я въ себѣ народности струну,
И вѣрѣ праотцевъ измѣнникомъ ли буду,
За то, что пастырей, учившихъ насъ не худу,
И, можетъ быть, давно сошедшихъ въ мракъ могилъ,
Самъ на закатѣ дней, поминками почтилъ?

И далѣе судьба вела насъ близнецами.
Питомцы двухъ друзей, друзья мы стали сами.
За ними, съ жизнью въ бой, лежалъ намъ путь одинъ:
Твой вождь былъ Дмитріевъ, а мой былъ Карамзинъ.
Изъ вѣрныхъ нашихъ рукъ не выпало ихъ знамя.
Въ насъ теплымъ заревомъ еще таится пламя,
Которымъ нѣкогда горѣли ихъ сердца.

И чокнулись въ сей день два кубка-близнеца.
Ты ль могъ мнѣ чуждымъ быть на полстолѣтней свадьбѣ,
Ты, старый дружка мой, въ Остафьевской усадьбѣ,
Когда неловко я, и можетъ быть не въ прокъ,
За Музу сватался влюбленный новичокъ?

5.

Казань. *Князю Вяземскому*. Петербургъ, Литейная, близъ Мар
ской больницы.

Отъ души поздравляю съ Царскою милостію и торжеств
Сожалѣю, что не присутствовалъ.

Вяземской.

5 Марта, 1861.

Ты первыхъ строкъ моихъ читатель терпѣливый,
Мой строгій аристархъ, когда мой стихъ болтливый
Нескромно нарушалъ синтаксиса уставъ,
Иль, чинно за собой приглядывать уставъ,
Онъ въ краску приводилъ чело стыдливой Музы.
Разливу грѣшныхъ риѳмъ спасительные шлюзы
Ты строилъ — и не разъ твой осторожный судъ
Клалъ шалости мои и промахи подъ спудъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ на насъ сошло полустолѣтье.
Подъ риѳму и подъ смыслъ здѣсь кстати междометье
Какъ не сказать: увы! и ахъ! Какъ не вздохнуть,
Когда сей фоліантъ придется разогнуть,
И по страницамъ жизнь слѣдить съ тоскою сладкой,
И призадуматься не разъ надъ опечаткой?
Чего намъ не пришлось познать и пережить?
Событій то прялась, то разрывалась нить:
За свѣтлымъ сномъ урокъ, ошибка за ошибкой,
Улыбка кое-гдѣ и слезы подъ улыбкой;
Тамъ степью голою тяжелый переходъ,
Здѣсь отдыхъ, здѣсь, въ тѣни и подъ напѣвомъ водъ,
Въ дыханьи вѣтерка, нашептанныя думы:
То буря смутъ мірскихъ и внѣшней жизни шумы,
То жизни внутренней родные голоса,
И споръ житейскихъ узъ съ порывомъ въ небеса;
Поутру колыбель, а къ вечеру могила,
Унынье немощи за проявленьемъ пыла,
И въ пресыщеньи благъ, которыхъ жаждетъ свѣтъ,
Сознанье грустное, что все чего-то нѣтъ.

Вотъ жизнь! и въ этотъ день, когда по ней помин
Всѣ образы ея, всѣ звуки, всѣ картины,
Лучи и тѣни, сны и быль ея — въ одну,
Изъ темной глубины возставшую волну
Слились, и въ грудь мою нахлынули всѣ разомъ.

XI.

Выборъ музыкальныхъ пѣесъ для праздника принялъ на себя *Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій*. Какъ самъ литераторъ, онъ умѣлъ слить господствующій характеръ празднества Русскаго съ національнымъ содержаніемъ и выраженіемъ

Пріятно путнику съ холма окинуть глазомъ
Весь путь, который онъ съ утра перебѣжалъ,
И подъ вечеръ себѣ устроить свой привалъ.
Такъ, жизни страннику, и мнѣ передъ ночлегомъ,
Мнѣ, утомленному борьбой и дальнимъ бѣгомъ
Подъ зноемъ солнечнымъ, подъ хладомъ непогодъ,
Мнѣ, многихъ дней и лѣтъ познавшему исходъ,
И многихъ благъ ущербъ, и многихъ зданій ломку,
Отрадно съ плечъ сложить походную котомку,
И, взоромъ ласковымъ свой измѣряя путь,
За трапезой друзей на время отдохнуть.
Мой путь не глубоко изрытъ волной событій.
Въ невѣдомыхъ странахъ не дѣлалъ я открытій;
Но тихо, день за днемъ, старался я идти
Въ слѣдъ общимъ истинамъ по общему пути:
Не выдвигалъ впередъ самодовольной груди;
Но, видя, кто шагалъ въ передовые люди,
Я, съёжившись въ толпѣ, готовъ былъ пасть ничкомъ,
Чтобъ только не прослыть передовымъ лицёмъ;
Ни въ ходъ я не пускалъ, ни на показъ не ставилъ
Ребяческихъ затѣй въ замѣну вѣчныхъ правилъ;
Не думалъ я, что свѣтъ, какъ, впрочемъ, онъ ни есть,
На новый должно мнѣ фундаментъ перенесть,
И что въ перѣ моемъ, на подвигъ и побѣду,
Таится тотъ рычагъ, что снился Архимеду.

Была скромнѣе цѣль посильнаго пера:
Цвѣтокъ, иль лепту снесть на жертвенникъ добра;
Воспитывать въ сердцахъ прекрасному служенье;
Тамъ, гдѣ вражда страстей, повѣдать примиренье;
Кому сказать: впередъ! кого предостеречь;
Почуешь ли въ груди духъ творчества — облечь
Сочувственную мысль въ сочувственное слово;
Не гнать все старое предъ тѣмъ, что только ново;

музыки, принадлежащей дарованіямъ отечественныхъ со
телей. Программа пьесъ была слѣдующая:

1. Увертюра изъ оперы: «Жизнь за Царя». — *Глинки.*
2. Танцы изъ оперы: «Русланъ и Людмила». — *Глинки.*
3. Танцы изъ оперы: «Русалка». — *Даргомыжскаго.*
4. Увертюра изъ оперы: «Аскольдова могила». — *Верстовскаг*
5. Танцы (Молдаванка) изъ оперы: «Громобой». — *Верстов*
6. Увертюра изъ оперы: «Русланъ и Людмила». — *Глинки.*
7. Камаринская. — *Глинки.*

Все новое не гнать, держась изъ рода въ родъ
Того, что отцвѣло и принесло свой плодъ;
Подъ блескомъ скорлупы гнилую сердцевину,
Подъ блескомъ словъ, открыть ихъ темную причину,
И съ обличителей самихъ личину снять,
Чтобъ людямъ гаера въ Катонѣ показать;
Безъ злобы пристыдить людъ пошлый и упрямый,
Который лѣзетъ самъ подъ розгу эпиграммы,
Который, не учась, всѣхъ учитъ на-повалъ,
И, на подмостокъ свой взобравшись, сочеталъ,
Въ тупой враждѣ своей къ средѣ великосвѣтской,
Съ холопской наглостью разсудокъ полудѣтской.

Вотъ подвиги пера и вотъ его грѣхи.
На судъ вашъ отдаю и прозу и стихи,
Которыми успѣлъ, я, грѣшный и убогій,
Обвесть межу своей проселочной дороги.

Писатель я, иль нѣтъ? о томъ идетъ вопросъ;
Съ другими прочими, на дняхъ, и онъ возросъ.
По слѣдственнымъ дѣламъ журнальнаго судища,
И тѣнь Бѣлинскаго призвавъ изъ-за кладбища,
Диктаторъ всѣхъ живыхъ, всѣхъ мертвыхъ судія,
Едва ль не порѣшитъ, что самозванецъ я.

Спасибо и за то, что, старика жалѣя,
Разжалуютъ меня хоть послѣ юбилея;
Что чашей сладостной, мнѣ посланной въ удѣлъ,
Хоть и ошибкою, упиться я успѣлъ;
Что если не дано похвастать мнѣ собою,
И славы, и похвалъ, и мѣстъ, не бралъ я съ бою,
То въ правѣ я сказать отъ нынѣшняго дня:
Сочувствіе друзей отвѣтчикъ за меня.

XII.

Собраніе гостей, изъ которыхъ многіе, привлекаемые занимательностію привѣтствій и разговоровъ, уже давно покинули свои мѣстà и сходились въ небольшіе кружки, незамѣтно изъ большой конференцъ-залы перешло въ малую, гдѣ съ новымъ оживленіемъ и свободою продолжало дружескія бесѣды подъ впечатлѣніями дня, проведеннаго столь необыкновенно-пріятнымъ образомъ. Здѣсь виновникъ праздника, тѣснѣе и еще дружелюбнѣе поминутно окружаемый расхаживавшими товарищами и друзьями, по прежнему оставался предметомъ общаго вниманія и участія. Со всею искренностію каждому хотѣлось еще разъ заявить ему свое уваженіе и выразить задушевную мысль. *Яковъ Карлович Гротъ*, въ это время, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

«*Князь Петръ Андреевичъ!* Полвѣка есть значительный періодъ не только въ жизни человѣка, но и въ исторіи народа. Уже 50 лѣтъ Ваше имя принадлежитъ Русской литературѣ, и во все это время Вы не безучастно слѣдили за ея движеніемъ. Позвольте мнѣ сблизить двѣ крайнія его точки, какъ два рубежа поприща, доселѣ Вами пройденнаго. Желаю сдѣлать это не для сравненія, ибо я, вмѣстѣ съ Поэтомъ, «два вѣка ссорить не хочу,» но для того, чтобы легче измѣрить разстояніе между настоящимъ и исходнымъ пунктомъ Вашей дѣятельности.

«Заря новой Русской поэзіи только-что занималась, когда Вы, еще совершенно молодой человѣкъ, примкнули къ кругу преобразователей литературы. Въ «Вѣстникѣ Европы,» когда его издавалъ *Жуковскій*, начали появляться Ваши стихотворенія. Слава *Жуковскаго* только-что возникала. *Карамзинъ* поль-

зовался уже громкимъ именемъ, но еще и первые томы его Исторіи не были напечатаны. Рядомъ съ нимъ въ общемъ мнѣніи стоялъ *Дмитріевъ*. Высоко цѣнили *Озерова* и *Крылова*. Молодой *Батюшковъ* уже обращалъ на себя вниманіе. Но имя *Александра Пушкина* было еще неизвѣстно: онъ только готовился поступить въ Лицей. Русскихъ писателей было тогда очень мало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ издавалось небольшое число журналовъ. Для близкаго родственника *Карамзина* и друга *Жуковскаго* нетруденъ былъ выборъ между этими изданіями для участія въ одномъ изъ нихъ.

«Сдѣлавшись писателемъ, Вы не пошли по пробитой колеѣ. Правда, что, высказываясь всего чаще посланіями и сатирами, Вы избрали двѣ любимыя въ то время формы поэзіи; но Вы избрали ихъ не изъ подражанія, а потому, что онѣ болѣе другихъ соотвѣтствовали характеру Вашего ума и роду Вашего таланта, который въ нихъ явился вполнѣ самостоятельнымъ. Всѣ поражены были вѣрностію Вашихъ наблюденій, оригинальнымъ оборотомъ Вашихъ мыслей и новостью мѣткаго ихъ выраженія. Но Вы не ограничились стихами: скоро и въ прозѣ Вашей узнали мыслителя тонкаго, остроумнаго и начитаннаго, умѣющаго облекать истину въ образы яркіе, живые и свѣжіе.

«Подробная характеристика Вашей литературной дѣятельности и исчисленіе трудовъ Вашихъ были бы въ настоящемъ случаѣ излишни: наше собраніе служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что они признаны и по справедливости оцѣнены. Но эта оцѣнка не ограничивается однимъ собравшимся здѣсь кругомъ. Ваши литературныя заслуги признаются и всѣмъ Русскимъ обществомъ. Юбилей вашъ совпадаетъ съ однимъ изъ самыхъ многозначительныхъ моментовъ въ жизни этого

общества. Мы наканунѣ разрѣшенія великой задачи, которая нѣсколько лѣтъ занимала въ немъ всѣ умы. Въ этомъ настоящая эпоха нѣсколько сходна съ тою, которую Вы пережили въ началѣ своего поприща. Другаго рода великій вопросъ, вопросъ о сохраненіи политической свободы Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, волновалъ всю націю. И тогда, какъ теперь, литературные интересы отодвинулись на задній планъ. Во второй половинѣ 1812-го года и въ 1813-мъ въ журналахъ нашихъ почти вовсе не появлялось литературныхъ статей. Говоря относительно, большое оживленіе отличало нашу литературу въ послѣдніе годы. Время было для нея не благопріятно только съ одной стороны, по преобладанію практическихъ интересовъ надъ художественными и научными; но за то, съ другой стороны, какъ благотворны были для нея ограниченіе дѣйствія цензуры и расширеніе права обсужденія въ печати общественныхъ и правительственныхъ вопросовъ! Правда, это самое придало литературѣ нашей нѣсколько односторонній характеръ; но едва ли справедливо было бы опасаться, что она долго будетъ страдать этимъ недостаткомъ.

«Писатель, совершившій большую часть своего поприща въ другомъ періодѣ, посреди другихъ дѣятелей и интересовъ, не можетъ иногда не испытывать нѣкоторой одинокости въ новомъ поколѣніи. Онъ чувствуетъ отсутствіе многихъ изъ тѣхъ, съ которыми началъ свой путь и, можетъ быть, долго шелъ объ руку; онъ скорбитъ о тѣхъ, отчасти сверстникахъ своихъ, которыхъ пережилъ; его не всѣ понимаютъ, не всѣ одинаково цѣнятъ.... Но за то сколько и утѣшеній дѣятель прошлаго можетъ найти въ настоящемъ, особливо, если онъ, какъ Вы, *Князь Петръ Андреевичъ*, сохраняетъ всю теплоту юности, если его сердце не зачерствѣло, если онъ по прежнему сочувствуетъ

всякому развитію и успѣху. Посмотрите, какъ неимовѣрно увеличилась у насъ литературная дѣятельность: число пишущихъ такъ возрасло, что вопросъ *Карамзина*, «отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» уже былъ бы не умѣстенъ въ наше время. Между нами, можетъ быть, менѣе писателей, которые сохранятъ свое личное значеніе для потомства; но за то Русскіе писатели въ совокупности пріобрѣли большее значеніе для современнаго общества. Литературный трудъ уже вознаграждается и въ матеріальномъ отношеніи — можетъ даже служить источникомъ обогащенія. Посмотрите, какъ усилилась у насъ періодическая литература и въ числѣ и въ объемѣ своихъ органовъ; какое множество книгъ почти по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія стало появляться; какъ заботятся у насъ о распространеніи грамотности и знанія въ народѣ! Скажутъ, что во всемъ этомъ являются увлеченія, крайности, заблужденія; но когда же родъ человѣческій шелъ впередъ безъ частныхъ уклоненій въ сторону? Будемъ твердо вѣрить въ успѣхи нашего общества. Съ развитіемъ Русскаго слова, мы въ томъ не сомнѣваемся, Ваши труды, Князь, ни сколько не утратятъ своей цѣны; но для облегченія средствъ къ распространенію ихъ въ читающей публикѣ на Васъ самихъ лежитъ обязанность, которой исполненія давно ожидаютъ отъ Васъ всѣ любители Русской литературы: разумѣю изданіе Вашихъ сочиненій. Пусть отъ него не удержитъ Васъ и Ваша продолжающаяся поэтическая дѣятельность, которой плоды, можетъ быть, скоро обрадуютъ почитателей Вашего таланта. Вотъ желаніе, которое конечно раздѣляютъ со мной не только всѣ здѣсь присутствующіе, но и безчисленное множество отсутствующихъ.

«Позволю себѣ въ заключеніе выразить еще другое желаніе, которое хотя относится не къ Вамъ лично, но не будетъ

неумѣстно на Вашемъ праздникѣ: чтобъ обстоятельства болѣе и болѣе благопріятствовали разумному движенію нашей литературы, чтобы наше время въ этомъ отношеніи было дальнѣйшимъ развитіемъ той, къ сожалѣнію, непродолжительной эпохи, въ которую Вы начали писать.»

Николай Ѳедоровичъ Щербина, вслѣдъ за этою рѣчью, прочиталъ свое стихотвореніе, здѣсь помѣщаемое. Такимъ образомъ, на праздникѣ Поэта, и самое заключеніе привѣтствій явилось поэтическое, слѣдовательно самое законное.

«Въ славный годъ, когда свобода
Броситъ первый блескъ лучей,
Въ годъ великій для народа
Твой свершился юбилей....

Ты изъ всѣхъ пѣвцовъ судьбою
Вознесенъ изъ рода въ родъ:
Знай — мы празднуемъ съ Тобою
Русской жизни новый годъ;

А за нимъ, своей чредою,
Новой мыслію горя,
Разольется надъ землею
Всеславянская заря....»

Время, которое предполагалось провести на праздничномъ обѣдѣ, давно кончилось, и начиналась пора вечернихъ собраній. Многіе изъ гостей, бывшихъ въ Академіи, а въ ихъ числѣ и *Князь П. А. Вяземскій*, должны были въ этотъ день явиться на вечернемъ собраніи у Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

Для Поэта день юбилея его, съ поздравленіями, привѣтствіями и выраженіемъ самыхъ искреннихъ, пріятнѣйшихъ желаній,

продолжался и въ новомъ кругу, гдѣ онъ такъ же и любимъ и уважаемъ, какъ между Академиками, только-что распрощавшимися съ нимъ. Наконецъ, за ужиномъ, Государь Императоръ, подозвавъ къ себѣ *Князя П. А. Вяземскаго*, поздравилъ его и поднялъ бокалъ за здоровье Русскаго Поэта. Это милостивое высочайшее вниманіе было для Поэта счастливѣйшимъ окончаніемъ дня, который безъ сомнѣнія оставилъ въ душѣ его неизгладимыя впечатлѣнія.

XIII.

Самое начало юбилейнаго дня, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые разсказы и воспоминанія о немъ людей, близкихъ къ *Князю П.. А. Вяземскому*, не осталось для него безъ пріятнѣйшихъ ощущеній. Еще очень рано было, когда явились къ нему съ привѣтствіемъ дѣти *Князя Павла Петровича*. Вотъ стихи, которые услышалъ отъ нихъ дѣдушка:

«Къ дѣдушкѣ Петру
Мы сегодня поутру
Съ поздравленіемъ пришли
И гостинецъ принесли.

Ходитъ слухъ, что Ты въ полвѣка
Много пѣсень написалъ,
И что нѣту человѣка,
Кто бъ такъ женщинъ обожалъ.

За любовь роднаго слова
Въ Академіи Наукъ
Празднество Тебѣ готово —
И рѣчей тамъ будетъ пукъ.

Мы же, просто, въ знакъ привѣта,
Обоймемъ отъ Руси всей
Сердцемъ юнаго поэта —
И ура! на много дней.»

Скоро комнаты *Князя П. А. Вяземскаго* приняли видъ цвѣточной выставки. Только и встрѣчаемы были въ дверяхъ новыя и новыя вазы съ цвѣтами. Ихъ сопровождали разныхъ форматовъ записочки. Никому не хотѣлось пропустить этотъ счастливый случай, чтобы вновь не повторить Поэту увѣреній въ неизмѣнной къ нему преданности и дружбѣ.

XIV.

Друзья изъ Москвы, такъ же заботливо и благовременно, какъ и здѣшніе друзья, успѣли предупредить письмами и посланіями своими оффиціальныя академическія поздравленія. Многіе, охраняя до надлежащаго часа тайну юбилейнаго праздника, присылали свои поздравленія не къ самому Поэту, а къ нѣкоторымъ изъ Членовъ Академіи для сообщенія ихъ вô-время по принадлежности.

Поздравительныхъ писемъ, въ которыхъ многочисленные почитатели блестящаго таланта и прекрасной души *Князя П. А. Вяземскаго* выражали искреннее сочувствіе свое къ его празднику, набралось и у него и въ Академіи такое множество, что изъ нихъ можно бы составить особенную книжку. Многіе изъ Петербургскихъ и Московскихъ литераторовъ, наравнѣ съ ближайшими его друзьями, ежели какія нибудь препятствія не позволяли имъ явиться къ обѣду, спѣшили высказаться, съ какимъ они сожалѣніемъ принуждены лишить себя удоволь-

ствія присутствовать на юбилеѣ. *Николай Филиповичъ Павловъ*, котораго разстроенное въ это время здоровье не допустило прибыть изъ Москвы въ Петербургъ, выразилъ въ письмѣ къ Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности глубокое о томъ сожалѣніе. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ не будутъ лишними въ описаніи юбилея.

1.

Письмо *Дмитрія Гавриловича Бибикова* къ Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности.

Получивъ приглашеніе участвовать въ предстоящемъ юбилеѣ *Князя Петра Андреевича Вяземскаго*, имѣю честь увѣдомить, что хотя состояніе здоровья моего не позволяетъ мнѣ выѣзжать, но я поставляю себѣ въ особое удовольствіе записаться въ число учредителей сего юбилея.

Предоставляя другимъ дѣлать оцѣнку литературнаго дарованія *Князя Вяземскаго*, я почитаю себя въ правѣ судить о немъ какъ о человѣкѣ и какъ о гражданинѣ. Я имѣю честь знать *Князя Вяземскаго* около полувѣка. Въ Бородинскомъ сраженіи мы были вмѣстѣ при Генералѣ *Милорадовичѣ;* когда убили подъ нимъ лошадь, я отдалъ ему свою запасную. Съ тѣхъ поръ дружескія отношенія мои съ нимъ не прекращались, и были многіе случаи въ моей частной жизни, гдѣ я могъ видѣть близко все благородство его характера. Наконецъ, будучи Директоромъ Департамента Внѣшней Торговли, я служилъ съ *Княземъ Вяземскимъ*, и здѣсь, какъ и всегда и вездѣ, находилъ въ немъ человѣка, сильно сочувствовавшаго выгодамъ отечества, глубоко сознававшаго оныя, и исполненнаго самыхъ пламенныхъ чувствъ на пользу общую.

Изъ этого бѣглаго очерка моихъ отношеній къ *Князю Вяземскому* Ваше Превосходительство можете судить, какъ мнѣ пріятно и лестно участвовать въ юбилеѣ человѣка, котораго я любилъ и уважалъ въ продолженіе всей моей жизни. Мнѣ остается только сожалѣть, что недуги не дозволяютъ мнѣ видѣть столь заслуженнаго выраженія всеобщаго сочувствія и уваженія къ этой благородной и возвышенной личности.

2.

Письмо *Абрама Сергѣевича Норова* къ *Князю П. А. Вяземскому*.

Давнему другу, благородному товарищу на поприщѣ служебномъ — теплый привѣтъ въ свѣтлый день достойнаго чествованія неукоризненной и, не смотря на ея пятидесятилѣтіе, юной, восторженной отечественной Музы его.

Скованный скорбію, навсегда оторванный ею отъ радостей міра — не менѣе того я пламенно раздѣляю чувство любви тѣхъ, которые въ эту минуту окружаютъ *Князя Петра Андреевича Вяземскаго*.

3.

Письмо *Николая Васильевича Путяты* къ Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности (изъ Москвы).

Сейчасъ только получилъ я приглашеніе на юбилей, учрежденный 2-го Марта по поводу совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности *Князя П. А. Вяземскаго*. Вѣроятно Вы, по дружескому расположенію Вашему, вспомнили обо

мнѣ при этомъ случаѣ; и такъ спѣшу благодарить Васъ и увѣдомить, что, не смотря на искреннее желаніе мое присутствовать на праздникѣ, которому живо и вполнѣ сочувствую, я принужденъ лишить себя этого удовольствія. Не говоря уже о краткости времени, болѣзненное состояніе жены моей и нездоровье дочери въ настоящую минуту не позволяютъ мнѣ предпринять поѣздки въ Петербургъ.

Покорнѣйше прошу Васъ передать *Князю Петру Андреевичу* искреннее сожалѣніе мое, что не могу находиться въ назначенный день въ кругу почитателей его и лично засвидѣтельствовать то душевное, глубокое уваженіе и любовь, которыя питаю къ нему какъ къ человѣку и какъ къ поэту.

P. S. Въ числѣ присланныхъ сюда приглашеній, было одно къ *С. А. Соболевскому*, но его нѣтъ не только здѣсь, но и въ Россіи: онъ за границею. Нѣкоторые другіе Московскіе жители принуждены также отказаться отъ личнаго участія въ юбилеѣ по краткости срока, остающагося отъ полученія извѣщенія до назначеннаго дня.

4.

Письмо *Михаила Николаевича Лонгинова* къ *Князю П. А. Вяземскому* (изъ Москвы).

При полученіи извѣстія о томъ, что Академія Наукъ будетъ праздновать пятидесятилѣтній юбилей Вашей литературной дѣятельности, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи присоединить и мой скромный голосъ къ огромному числу тѣхъ, ко-

торые принесутъ Вамъ свои искреннія поздравленія въ знаменательный для Васъ день 2-го Марта. Прошу Васъ принять выраженія чувствъ моего уваженія и любви къ Вамъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ радости о томъ, что наука и литература воздаютъ должный почетъ заслугамъ славнаго писателя.

М. П. Погодинъ, Предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, взялъ на себя трудъ передать Вамъ настоящее поздравленіе Секретаря этого Общества, въ спискахъ котораго Вы числитесь старшимъ Членомъ, нося это званіе съ 26-го Февраля 1816 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Члены нашего Общества будутъ искренно сожалѣть, что краткость времени до дня Вашего юбилея не позволила имъ оффиціальнымъ образомъ принести Вамъ свои поздравленія съ наступающимъ торжествомъ. Радуюсь отъ души, что достойный нашъ Предсѣдатель будетъ въ немъ участникомъ.

Къ поздравленію моему позвольте присовокупить возобновленіе старинной просьбы моей объ изданіи собранія Вашихъ сочиненій, котораго такъ давно ждутъ всѣ любящіе родное слово. Усердно желаю, чтобы день, посвященный воззданію почета тому, кто полвѣка украшалъ ими литературу, рѣшилъ и исполненіе этого предпріятія, которому я съ такою радостію готовъ всегда содѣйствовать.

Желая Вамъ отъ всего сердца много лѣтъ служить литературѣ съ прежнею славою, прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

5.

Посланіе *Бориса Михайловича Ѳедорова Князю П. А. Вяземскому.*

Поэтъ, писатель и сановникъ,
Родня и другъ Карамзина!
Ты нынѣ торжества виновникъ,
И честь достойно воздана
Тому, кто украшенье вѣка
Избыткомъ чувства, мысли силъ —
И все въ себѣ соединилъ,
Что возвышаетъ человѣка.

Почтить вѣнкомъ Твой юбилей
Былъ больше бъ кругъ соединенныхъ:
Въ средѣ присутственныхъ друзей
Ты вѣрно вспомнилъ отдаленныхъ.
Гдѣ Карамзинъ и Пушкинъ Твой?
Гдѣ твой Тургеневъ и Жуковскій?
Но въ этотъ день, для нихъ родной
Въ Твоей душѣ — ихъ отголоски.

Они, по прежнему любя,
Въ Твоей любви къ нимъ незабвенны,
Въ сей день привѣтствуютъ Тебя,
Твоей душѣ прикосновенны;
Но будь же долѣе для насъ
Добра звѣздою путеводной,
Дай слышать вновь Твой вѣщій гласъ —
Для славы и любви народной.

XV.

Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ юбилеѣ *Князя Петра Андреевича Вяземскаго.*

Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.
Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ.
Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ.
Графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій.
Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.
Князь Дмитрій Сергѣевичъ Горчаковъ.
Сергѣй Степановичъ Ланской.
Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ.
Өедоръ Петровичъ Лубяновскій.
Александръ Максимовичъ Княжевичъ.
Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.
Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.
Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ.
Алексѣй Иларіоновичъ Философовъ.
Дмитрій Васильевичъ Путята.
Николай Ивановичъ Бахтинъ.
Графъ Александръ Алексѣевичъ Бобринскій.
Князь Александръ Васильевичъ Мещерскій.
Князь Сергѣй Ивановичъ Давыдовъ.
Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ.
Помпей Николаевичъ Батюшковъ.
Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.
Левъ Евгеніевичъ Барагынскій.

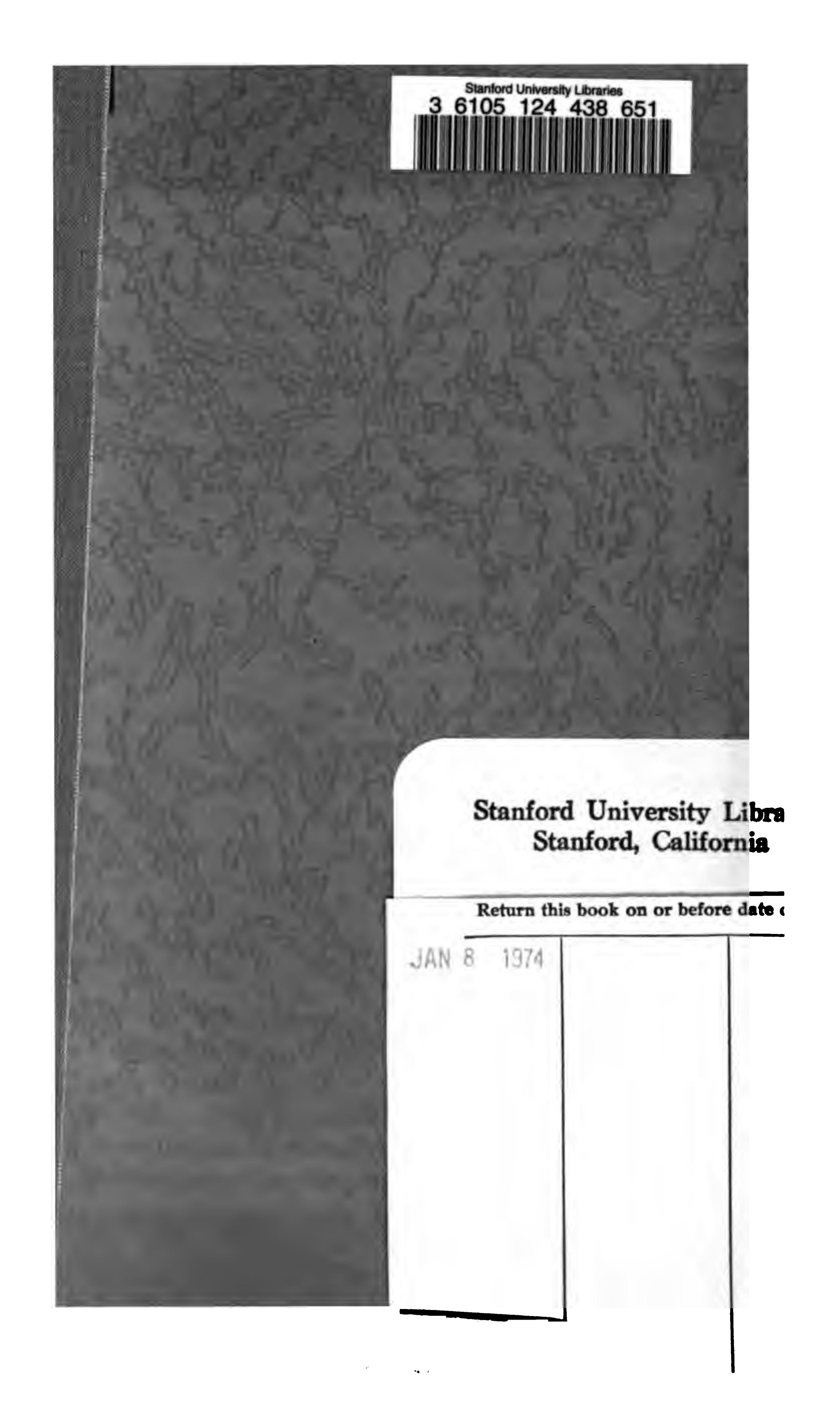
Графъ Владиміръ Петровичь Орловъ-Давыдовъ.
Графъ Анатолій Владиміровичь Орловъ-Давыдовъ.
Графъ Владиміръ Владиміровичь Орловъ-Давыдовъ.
Алексѣй Владиміровичь Веневитиновъ.
Князь Владиміръ Өедоровичь Одоевскій.
Иванъ Давыдовичь Деляновъ.
Аркадій Осиповичь Россетъ.
Өедоръ Ивановичь Тютчевъ.
Петръ Александровичь Валуевъ.
Константинъ Степановичь Сербиновичь.
Графъ Владиміръ Александровичь Соллогубъ.
Николай Михайловичь Смирновъ.
Князь Григорій Алексѣевичь Щербатовъ.
Князь Дмитрій Александровичь Оболенскій.
Баронъ Александръ Любимовичь Штиглицъ.
Князь Николай Ивановичь Солтыковъ.
Николай Алексѣевичь Мухановъ.
Владиміръ Алексѣевичь Мухановъ.
Князь Григорій Григорьевичь Гагаринъ.
Эммануилъ Дмитріевичь Нарышкинъ.
Дмитрій Ивановичь Нарышкинъ.
Графъ Андрей Өедоровичь Ростопчинъ.
Графъ Болеславъ Станиславовичь Потоцкій.
Иванъ Сергѣевичь Мальцевъ.
Борисъ Карловичь Данзасъ.
Михаилъ Михайловичь Устиновъ.
Графъ Николай Матвѣевичь Ламздорфъ.
Графъ Александръ Петровичь Толстой.
Михаилъ Ивановичь Туманскій.
Графъ Михаилъ Иринеевичь Хребтовичь.
Егоръ Петровичь Ковалевскій.
Князь Петръ Ивановичь Мещерскій.
Князь Николай Петровичь Мещерскій.

Князь Александръ Петровичь Мещерскій.
Князь Владиміръ Петровичь Мещерскій.
Сергѣй Дмитріевичь Полторацкій.
Владиміръ Николаевичь Карамзинъ.
Князь Александръ Егоровичь Вяземскій.
Графъ Павелъ Дмитріевичь Толстой.
Графъ Алексѣй Ивановичь Мусинъ-Пушкинъ.
Владиславъ Максимовичь Княжевичь.
Ѳеофилъ Матвѣевичь Толстой.
Дмитрій Христофоровичь Гумаликъ.
Николай Ивановичь Гречь.
Иванъ Александровичь Гончаровъ.
Аполлонъ Николаевичь Майковъ.
Яковъ Петровичь Полонскій.
Алексѣй Ѳеофилактовичь Писемскій.
Николай Ѳедоровичь Щербина.
Владиміръ Григорьевичь Бенедиктовъ.
Ѳедоръ Антоновичь Бруни.
Николай Ивановичь Уткинъ.
Иванъ Константиновичь Айвазовскій.
Константинъ Степановичь Веселовскій.
Яковъ Карловичь Гротъ.
Александръ Васильевичь Никитенко.
Петръ Павловичь Дубровскій.
Петръ Спиридоновичь Билярскій.
Борисъ Семеновичь Якоби.
Адольфъ Яковлевичь Купферъ.
Юлій Ѳедоровичь Фричше.
Дмитрій Матвѣевичь Перевощиковъ.
Николай Ивановичь Кокшаровъ.
Пафнутій Львовичь Чебышевъ.
Михаилъ Васильевичь Остроградскій
Александръ Христофоровичь Востоковъ.

Владиміръ Владиміровичъ Вельяминовъ-Зерновъ.
Марій Ивановичъ Броссе.
Аристъ Аристовичъ Куникъ.
Николай Герасимовичъ Устряловъ.
Викторъ Яковлевичъ Буняковскій.
Николай Ивановичъ Желѣзновъ.
Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.
Михаилъ Петровичъ Погодинъ.
Петръ Александровичъ Плетневъ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 438 651
Stanford University Libra
Stanford, Californa
Return this book on or before date
JAN 8 1974

